

Артемий Лоулу

Кровавое топливо

18+

Артеми́й Лоулу

Кровавое топливо

«Автор»

2026

Лоулу А.

Кровавое топливо / А. Лоулу — «Автор», 2026

В мюнхенском сумраке Ульрих Вагнер, терзаемый школьными издевками, находит отдушину в каллиграфии. Но роковое стечение обстоятельств — странная клякса, предчувствие беды и унижительное столкновение с обидчицей Эммой — пробуждают в нём тёмную жажду мести. Случайная встреча с Гором, главным мучителем, перерастает в кровавую расправу. Превратив любимую ручку в орудие убийства, Ульрих открывает в себе чудовищную страсть. Но чувство вины и страх быть пойманным переплетаются с мрачным удовлетворением. И теперь Ульрих – убийца и поэт, готовый черпать вдохновение в крови, с ужасом осознает, что лишь начал свой кровавый путь. Шепот безумия ведёт его, а проклятая черная ручка служит проводником в мир тьмы и насилия.

© Лоулу А., 2026

© Автор, 2026

Артемий Лоулу

Кровавое топливо

Чернила, цвета вороньего крыла, послушно ложились на шероховатую бумагу, формируя витиеватые буквы. Ульрих Вагнер, чуть сутулясь над столом, с наслаждением выводил каждую линию стальной перьевой ручкой. Стихотворение, рожденное в сумраке его души, медленно обретало форму. Слова, словно темные бабочки, выпархивали из-под пера, сплетаясь в мрачную, но прекрасную мелодию.

**«В объятьях ночи город засыпает,
И тени пляшут в лунном серебре...»**

Ульрих прикусил кончик языка, обдумывая следующую строку. Как передать ту тоску, что разрывала его изнутри? Как облечь в слова ту бездну, что он ощущал в школьных стенах, в этом клетке, где обитали одни лишь волки?

Внезапно его рука дрогнула. Не просто легкая судорога, а резкий, болезненный толчок. Чернила взметнулись в воздух, оставив кляксу на чистом листе. Ульрих выругался сквозь зубы. Неуклюжесть всегда была его проклятием.

Но тут произошло нечто странное. Несмотря на резкое движение, клякса не растеклась, не изуродовала каллиграфию. Наоборот, чернила, словно повинувшись невидимой силе, образовали причудливый, но идеально ровный завиток, словно завершая недописанную строку. Элемент был красив.

Ульрих застыл, удивленно глядя на результат спонтанного движения. Он перевел взгляд на ручку – любимую черную стальную ручку, которая так удобно лежала в его левой руке. Она казалась обычной, но в этот миг от нее исходила какая-то едва уловимая тревожная аура.

Резко встав из-за стола, Ульрих заторопился. На часах высветились предательские 7:30. Нужно было собираться в школу.

Внутри у Ульриха всё съежилось в тугой, холодный комок. Школа. Это слово звучало как приговор. Он не хотел туда идти. Не хотел видеть эти надменные лица, почувствовать на себе эти колючие взгляды, слышать эти ядовитые усмешки.

Что-то внутри него – инстинкт, предчувствие, или, может быть, просто обостренная паранойя – шептало, кричало: «Не ходи туда, Ульрих. Не ходи!»

Он машинально начал складывать учебники в рюкзак, не обращая внимания на настойчивый внутренний голос. "Всё это ерунда, – подумал он. – Просто очередная причуда моего больного воображения."

Но зерно сомнения уже было посеяно. Тревога, словно ледяной паук, ползла по спине, оплетая его колючей паутиной страха.

Он взглянул на ручку, лежащую на столе. Черная и блестящая, она казалась безобидной, но в памяти всплыл странный завиток, созданный дрожанием руки.

Ульрих схватил ручку и, не раздумывая, сунул ее в карман куртки. Чувство безопасности, пусть и призрачное, на миг вернулось.

Он вышел из дома, погружаясь в серый мюнхенский рассвет, не подозревая, что этот день станет началом кровавой главы в его жизни, и любимая ручка станет орудием, которое изменит его навсегда.

Ульрих шел по улицам, словно во сне, стараясь не думать ни о чем, кроме нестерпимого желания вернуться назад, в уютный полумрак своей комнаты. Город, обычно шумный и многолюдный, казался сегодня особенно давящим. Звук машин, крики птиц, обрывки разговоров – всё это сливалось в какофонию, раздражающую и без того расшатанные нервы.

Он проклинал себя за то, что не прислушался к внутреннему голосу, за то, что позволил страху сковать его волю. Каждое утро было испытанием, а школа – полем битвы, где он, Ульрих Вагнер, выступал в роли одинокого воина, окруженного врагами.

И как назло, на перекрестке, словно подтверждая его мрачные предчувствия, он увидел её. Эмма Луиза Аудиторе. Стройная фигура, облаченная в цветастое платье, выделялась на фоне серых зданий, словно яркий мазок на блеклой картине. Рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам, горели в лучах восходящего солнца.

Ульрих почувствовал, как в груди поднимается волна раздражения. Эмма. Она была одной из тех, кто смотрел на него свысока, с презрительным сочувствием. Ее взгляд всегда говорил: "Бедный Ульрих, ты такой старомодный, такой несовременный..."

Он попытался отвести взгляд, надеясь, что она пройдет мимо, не заметив его. Но Эмма, словно почувствовав его присутствие, повернула голову. Ее зеленые глаза, всегда такие яркие и живые, сейчас казались холодными и отстраненными.

Она молча кивнула, и они продолжили путь вместе. Тишина повисла между ними, тяжелая и неловкая. Ульрих чувствовал себя не в своей тарелке. Ему хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, лишь бы не ощущать на себе ее оценивающего взгляда.

Эмма шла с гордо поднятой головой, словно нарочно демонстрируя свое превосходство. Ее походка была легкой и уверенной, в отличие от его неуклюжих, тяжелых шагов.

Ульрих украдкой посмотрел на нее. "Что она о себе возомнила?" – подумал он с раздражением. "Считает себя лучше меня? Только потому, что рисует свои дурацкие абстракции и слушает модную электронную музыку?"

Мысли роились в его голове, как взбесившиеся пчелы. Гнев и обида душили его, словно петля на шее.

Но вместо того, чтобы высказать все, что он о ней думает, Ульрих промолчал. Он привык молчать. Привык держать свои чувства в себе, боясь выплеснуть их наружу. Ведь он знал, что любое его слово, любое его действие будет использовано против него.

Он мысленно выдохнул с облегчением. По крайней мере, она молчит. По крайней мере, сейчас он не слышит этих ядовитых слов, этих уничижительных замечаний. Ему было достаточно просто идти рядом, в этой тягостной тишине, зная, что вскоре они расстанутся, и он сможет снова остаться наедине со своими демонами.

Тишина взорвалась, словно мыльный пузырь, от одного ее слова. «Ничтожество». Всего одно слово, но оно пронзило Ульриха, словно удар ножа. По виску потекла предательская струйка пота. Все его самообладание рассыпалось в прах. Это было слишком. Слишком много насмешек, слишком много презрения, слишком много ненависти.

В голове запульсировала кровь. Он почувствовал, как внутри поднимается темная, первобытная ярость, готовая вырваться наружу. Он сжал кулаки, стараясь удержать себя в руках. Но слово Эммы продолжало звенеть в ушах, словно назойливый комариный писк.

Он обернулся к ней. В ее зеленых глазах читалось лишь презрение, холодное и равнодушное. Она смотрела на него так, словно он был куском грязи под ее ногами.

Рука Ульриха машинально скользнула в карман куртки. Пальцы судорожно обхватили холодный металл ручки. Черную, стальную, его любимую ручку.

Оружие, которое ждало своего часа. Но не сейчас.

Они шли молча, пока не достигли ступеней школы. Кирпичное здание угрюмо возвышалось над ними, словно каменный идол, требующий жертвоприношений. Внутри этого лабиринта его ждали другие. Другие, кто также считал его ничтожеством.

Ульрих задержался на мгновение, вдыхая холодный осенний воздух. «Не сейчас», – прошептал он про себя, словно пытаясь убедить себя. «Не здесь». Это было бы слишком... неаккуратно. Ему нужно было место, где не было бы свидетелей, место, где он мог бы выпустить свою ярость, не опасаясь последствий.

Он убрал руку из кармана, оставив пока ручку в покое. Ярость бурлила внутри, но он заставил себя сдержаться. Он должен быть терпеливым. Он должен ждать подходящего момента.

Эмма уже начала подниматься по ступеням. Ульрих последовал за ней, стараясь не смотреть ей в глаза. Он чувствовал, как его ненависть к ней растет с каждой секундой.

Когда они подошли к дверям школы, Ульрих набрал в грудь побольше воздуха. Ярость клокотала, шептала безумные планы, но он должен был сдерживаться. Не время.

Он нарочито грубо толкнул Эмму плечом, протискиваясь вперед, в здание школы. Она охнула от неожиданности, едва не потеряв равновесие.

«Осторожнее!» – процедила она сквозь зубы.

Ульрих промолчал, не удостоив ее даже взглядом. Он просто вошел в школу, оставив ее позади. Внутри здания шум и гам школьной жизни обрушились на него, словно цунами. Голоса, смех, шаги – все это сливалось в единую какофонию, раздражающую и выматывающую.

Внутри него ярость не утихала, а лишь разгоралась с новой силой. Шёпот в голове, обычно тихий и приглушенный, сейчас звучал громко и отчетливо: "Сдерживайся. Жди. Твой час ещё придёт".

Он знал, что этот час придёт. Он чувствовал это всем своим существом. И когда он наступит, никто не сможет его остановить.

Ульрих прошел сквозь толпу, словно сквозь терновый куст. Каждый толчок, каждая косой взгляд, каждая насмешка – все отзывалось болезненным уколом в его истерзанной душе. Школа, место, где он должен был получать знания, превратилась в пыточную камеру, где каждый день его медленно, но верно уничтожали.

Он добрался до своего класса, словно измученный путник, достигший долгожданного привала. Задние парты, как всегда, были оккупированы стайей хищников – теми, кто считал себя выше и сильнее. Ульрих, с тяжелым вздохом, направился к первой парте. Это было его место – место изгоя.

Класс постепенно заполнялся учениками. Он видел краем глаза их лица – надменные, равнодушные, презрительные. Каждый из них был потенциальным врагом, готовым в любой момент нанести удар.

Ульрих почувствовал, как ярость снова начинает подниматься из глубины души. Он сжал кулаки под партой, стараясь удержать себя в руках. Не сейчас. Не здесь. Он должен быть терпеливым. Он должен ждать.

Наконец, прозвенел звонок. Учитель вошел в класс, и шум постепенно стих. Начался мучительный процесс обучения. Ульрих старался сосредоточиться на словах учителя, но его мысли постоянно возвращались к одному – к мести.

Но месть ли эта? Ульрих желал их размазать словесно, унижить за все их грехи... Но характером он был слаб, что не слабо бесило каллиграфиста.

Но он знал, что это всего лишь фантазии. Он должен быть осторожным. Он не может допустить ошибки. Ему нужен идеальный план, который позволит ему отомстить всем, кто причинил ему зло, без физической расправы.

Когда уроки закончились, Ульрих, не теряя времени, покинул школу. Точнее, он хотел покинуть школу.

Ульрих уже видел спасительный просвет входной двери, как вдруг его путь преградила надменная фигура Гора Луиса де Аларма. Гор стоял, скрестив руки на груди, словно хозяин жизни, решивший преподать урок неразумному смертному.

"Вагнер," – произнес Гор, растягивая слова с пренебрежением. "Я понимаю, тебе здесь не рады. Зачем заставлять себя? Ты достоин большего. Этот город, эта школа – все это не для тебя. Тебя окружают серые, замкнутые социопаты. Найди себе место, где оценят твою..."

уникальность." Голос Гора сочился ядом, но больше всего Ульриха задело слово "социопаты". Ведь это правда.

Ульрих почувствовал, как внутри закипает ярость, но он постарался сохранить спокойствие. "Мне, наверное, стоит напомнить тебе, де Аларм, что я как раз интроверт, а не социопат. Тебе же, как я посмотрю, не хватает немножко хороших манер," – ответил Ульрих, стараясь говорить как можно более презрительно, как можно более холодно.

Лицо Гора мгновенно побагровело. Его аристократическое самообладание треснуло, явив миру истинное лицо – лицо злобного и мстительного человека. "Ты... да как ты смеешь?!" – прошипел он сквозь зубы, делая шаг вперед.

Ульрих понял, что перешел черту. Гор был готов сорваться. Паника волной захлестнула его сознание. Он не хотел драки. Он не хотел применять свою ручку. Он просто хотел уйти.

Сделав резкий разворот, Ульрих бросился бежать. Он выскочил из школы, словно ошпаренный, и помчался по улице, не разбирая дороги. За спиной он слышал тяжелые шаги Гора, который не собирался сдаваться.

"Стой, плебей! Я тебе покажу, кто здесь ничтожество!" – кричал Гор, но Ульрих не останавливался.

Он бежал, задыхаясь и спотыкаясь, стараясь оторваться от своего преследователя. Он понимал, что Гор быстрее и сильнее его. Ему нужно было укрытие. Ему нужно было место, где он мог бы перевести дух и придумать, как выпутаться из этой ситуации.

Заметив узкий проход между двумя зданиями, Ульрих резко свернул в него. Он пробежал несколько метров и спрятался за бетонной стеной.

Прижавшись спиной к холодному бетону, он попытался отдышаться. Сердце бешено колотилось в груди, кровь стучала в висках.

Он слышал, как Гор пробежал мимо, не заметив его. Ульрих затаил дыхание, стараясь не издавать ни звука. Он понимал, что Гор рано или поздно вернется. Ему нужно было что-то придумать.

Ульрих достал из кармана свою ручку. Она была холодной и твердой в его дрожащей руке. Он посмотрел на нее, словно на верного друга, единственного, кто всегда был рядом.

Он не хотел убивать Гора. Он правда не хотел. Но желание размазать его словесно, уничтожить его надменность, унижить за все те страдания, что он причинял ему, клокотало внутри с неукротимой силой. Ярость и страх переплелись в его сознании, образуя опасный коктейль.

"Сдерживайся," – прошептал он себе, сжимая ручку в руке. "Жди. Твой час ещё придёт. Но не сегодня. Не с Гором."

Он должен был найти другой способ. Способ, который позволит ему отомстить, не запачкав руки кровью. Способ, который докажет всем, что он не ничтожество. Способ, который сделает его... богом.

Ульрих зажмурился, пытаясь заглушить бешено колотящееся сердце. В голове будто что-то треснуло, и тишину разорвал тихий, но настойчивый голос: "**Убей...**" Он отшатнулся от стены, словно от удара, и затряс головой, пытаясь избавиться от навязчивого шепота. "Нет..." – прошептал он одними губами.

Но голос не умолкал. "**Убей их...**" – продолжал он, наращивая обороты, проникая в самое сознание Ульриха. "**Убей их всех...**"

Ульрих зажал уши руками, стараясь заглушить этот кошмар. Он качал головой, словно маятник, повторяя как мантру: "Нет... нет... нет..."

Но тщетно. Голос становился все громче и настойчивее, отравляя его разум ядовитым шепотом. Он видел перед глазами лица своих обидчиков – Гора, Эммы, Джозефа... Все они стояли перед ним, насмехаясь и издеваясь. И голос в голове твердил: "**Убей их... Они заслужили это...**"

Внезапно, как резко вспыхнувшая спичка, голос пропал. Наступила оглушительная тишина. Ульрих медленно открыл глаза, с трудом осознавая, где он находится. Дыхание было сбивчивым, тело дрожало, как осиновый лист.

Что это было? Галлюцинация? Безумие? Или зловещее предзнаменование?

Ульрих не знал ответа. Он лишь чувствовал, как в его душе поселился страх – страх перед самим собой, перед тем, на что он способен.

Он знал одно: ему нужно уйти отсюда. Ему нужно убраться подальше от школы, от Гора, от всех этих людей, которые пробуждали в нем самые темные желания. Ему нужно было домой, в свое убежище, где он мог бы попытаться разобраться в этом кошмаре.

Осторожно выглянув из-за стены, Ульрих убедился, что Гора нигде не видно. Он медленно вышел из прохода и, оглядываясь по сторонам, направился в сторону своего дома. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он нес на себе тяжелый груз.

Он шел по улицам Мюнхена, словно призрак, погруженный в свои мрачные мысли. Он не замечал ни прохожих, ни машин, ни ярких витрин магазинов. В его голове звучало лишь эхо того ужасного голоса, шептавшего: **"Убей..."**

Держа в руке проклятую ручку, Ульрих пошел к своему дому.

Ульрих медленно поднимался по ступеням к своей квартире. Каждый шаг давался с трудом, словно его ноги налились свинцом. Замок провернулся с тихим щелчком, и дверь открылась. Но войти внутрь он не успел.

У входа его ждал Артемий. Лысый, в черном оверсайзе, как всегда. Но взгляд... В глазах Артемия плескалась странная, непривычная теплота. И на губах играла улыбка. Не саркастическая, не презрительная, а... искренняя?

Ульрих замер в нерешительности. Артемий никогда не ждал его у дома. И уж точно не улыбался так.

"Здравствуй, Ульрих," – произнес Артемий, его голос звучал мягче, чем обычно. "Давно не виделись".

"Русский? Что ты... что ты здесь делаешь?" – Ульрих не мог понять, что происходит. В голове металась самые разные предположения, одно безумнее другого. Неужели он сошел с ума?

"Решил навестить старого друга," – Артемий пожал плечами, словно это было самым обыденным делом. "У тебя всегда так... интересно."

Ульрих нахмурился. "Интересно? Что ты имеешь в виду?"

"Ну... ты же знаешь. Твоя... страсть, так сказать," – Артемий сделал неопределенный жест рукой. "Твое... искусство."

Ульрих уставился на Артемия, не понимая ни слова. Что за бред он несет? Страсть? Искусство? О чем он вообще?

"Ты... ты бредишь?" – выдохнул Ульрих, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. "Что за страсть, что за искусство? Ты о чем, Артемий?"

Вместо ответа Артемий сделал шаг вперед и положил руку Ульриху на плечо. Прикосновение было ледяным, словно от мертвеца.

"Я – это ты. А ты – это я."

Ульрих отшатнулся от него, как от огня. "Что... что ты такое говоришь? Ты спятил? Ты не можешь быть мной! Я – это я!"

Артемий рассмеялся – тихо, но злобно.

Ульрих не понимал. Он не хотел понимать. Это был какой-то безумный кошмар, и он отчаянно пытался проснуться. Но Артемий стоял перед ним – реальный, осязаемый, и он явно был настроен серьезно.

Артемий улыбнулся, увидев замешательство в глазах Ульриха. "Не переживай, Ульрих. Скоро ты все поймешь. Скоро ты поймешь... все."

Он взял Ульриха за руку и потянул его в квартиру. Ульрих не сопротивлялся. Он был словно парализован – страхом, непониманием, ужасом.

"Идем, Ульрих," – промурлыкал Артемий. "Идем домой."

Они вошли в квартиру Ульриха. Все казалось обычным – книги на полках, письменный стол с разбросанными листами бумаги, недописанные каллиграфические этюды. Но для Ульриха все изменилось. Его дом больше не казался ему убежищем. Теперь это было место, где его ждали ответы – страшные, безумные ответы, которые он не хотел слышать.

Артемий огляделся по сторонам, словно оценивая обстановку.

"Красиво у тебя тут," – сказал он. "А на каких языках ты пишешь каллиграфию?"

Ульрих стоял в оцепенении, глядя на Артемия, как на привидение.

Ульрих подошел к плите. Он поставил чайник на огонь, стараясь не смотреть на Артемия.

"В основном немецкий и французский," – пробормотал он, отвечая на вопрос Артемия, словно во сне. "Иногда латынь."

Артемий посмотрел удовлетворенно, его глаза блеснули странным огоньком. "In Vino Veritas," – произнес он с еле заметной ухмылкой.

Ульрих усмехнулся в ответ, отчего-то чувствуя себя немного неловко. "Что ж, надеюсь, истина не слишком горькая на вкус," – пробормотал он, отворачиваясь к плите.

Они выпили чаю. За разговором Ульрих обнаружил, что Артемий неожиданно приятный собеседник. Они обсудили учёбу, преподавателей, даже немного поспорили о философии Ницше и влиянии хард-рока на современное искусство. Артемий оказался начитанным и умным, хотя его пессимизм и мрачные шутки порой немного напрягали Ульриха.

Вскоре Артемий засобирался. "Спасибо за чай, Ульрих. Было... интересно," – сказал он, направляясь к двери.

"Пока," – ответил Ульрих, провожая его взглядом.

Когда дверь за Артемием закрылась, Ульрих нахмурился, задумчиво почесывая подбородок. Что это вообще было?

Фраза "In Vino Veritas" эхом отдавалась в его голове. Что Артемий хотел этим сказать? Правду в вине? Но они пили чай... Или он подразумевал что-то другое?

Ульрих подошел к зеркалу, внимательно разглядывая свое отражение. Он видел перед собой обычного парня – полноватого, с волосами до рта, с покрасневшими от недосыпа глазами. Но что-то изменилось. Что-то неуловимое. Будто после визита Артемия в его голове поселилась чужая мысль, чужое воспоминание.

Рука произвольно потянулась к перьевой ручке, лежавшей на столе. Черная, стальная, холодная. Она идеально ложилась в руку, словно была ее продолжением. Взгляд Ульриха застыл на кончике пера. Он вдруг осознал...

Ульрих шел по вечернему Мюнхену, погруженный в свои мысли. Город, усыпанный огнями, казался чужим и враждебным. Он чувствовал себя одиноким и потерянным, но в то же время – сильным и решительным.

Он свернул в узкий переулок, где, если верить слухам, находился подпольный магазинчик, торговавший редкими и лучшими чернилами в городе. Ульрих никогда раньше не бывал в подобных местах, но сегодня ему нужны были особенные чернила. Чернила, которые подчеркнут его намерение.

Вскоре Ульрих шел по улице, плотно прижимая к себе небольшой сверток. Внутри лежала заветная баночка с чернилами насыщенного алого цвета. Чернила, которые он сделает орудием убийства. Он вновь вспомнил про Натаниэля.

Он шел, погруженный в свои мысли, когда вдруг заметил впереди знакомую фигуру. Это был Гор Луис де Аларм. Высокий, надменный, как всегда, но на этот раз в каком-то особенно развязном состоянии. Судя по его шатающейся походке и бессвязной речи, Гор был явно под кайфом.

Гор, пошатываясь, вдруг остановился и уставился на Ульриха. Несмотря на то, что Ульрих был закутан в черный шарф, скрывающий половину лица, Гор узнал его. В его глазах вспыхнула злоба. Он явно вспомнил тот давний инцидент, когда Ульрих осмелился ему перечить, когда Ульрих оскорбил его "аристократическое" достоинство.

"А, это ты, Вагнер," – прохрипел Гор, сплевывая на тротуар. "Что ты тут делаешь, плебей? Заблудился?"

Ульрих промолчал, стараясь избежать конфликта. Но Гор не собирался останавливаться.

"Ты думаешь, ты лучше нас, да?" – продолжал издеваться Гор. "Ты, жалкий выскочка, возомнил себя невесть кем? Да ты просто кусок дерьма!"

Ульрих сжал кулаки, но старался сдерживаться. Он знал, что Гор пытается его спровоцировать. Но с каждым словом, с каждой оскорбительной репликой ярость внутри Ульриха росла и крепла.

Внезапно Гор сделал шаг вперед и влепил Ульриху звонкую пощечину. Ульрих отшатнулся от неожиданности, чувствуя, как щека горит от удара. Ярость, копившаяся внутри него, вырвалась наружу, как прорвавшаяся плотина.

Годы унижений, годы презрения – все копилось слишком долго. Каждое слово, брошенное презрительным тоном, каждый косой взгляд, каждая усмешка – все это отравляло его существование, словно медленно действующий яд. Гор Луис де Аларм, воплощение всего, что Ульрих ненавидел в этом мире, всегда был катализатором этой ненависти. Теперь, когда он стоял перед ним, опьяненный и наглый, он стал последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Мысли о том, чтобы прикончить Гора, всегда витали на периферии его сознания, словно навязчивый мотив, повторяющийся в голове. Но до сегодняшнего дня они оставались лишь фантазиями, мрачными грезами, не имеющими ничего общего с реальностью. Теперь же, когда на его щеке горел след пощечины, эти мысли стали реальностью, обрели плоть и кровь, стали единственно возможным выходом.

Гор продолжал издеваться, не замечая перемены в лице Ульриха. Его пьяный разум был слишком затуманен, чтобы осознать смертельную опасность, нависшую над ним.

"Что, язык проглотил, уродец?" – хохотал Гор, тыкая пальцем в грудь Ульриха. "Боишься меня? Правильно делаешь!"

Это была последняя ошибка Гора.

"Ах ты мразь!" – прорычал Ульрих, бросаясь на Гора.

Началась драка.

Ульрих мгновенно набросился на Гора, его кулаки обрушились на лицо аристократа градом ударов. Гор, ошеломленный внезапной атакой, попытался ответить, но его движения были замедленными и неточными из-за опьянения. Ульрих, несмотря на свое полноватое телосложение, дрался с яростью загнанного в угол зверя. Его удары были хаотичными, но полными ненависти и боли, которую он копил годами.

Гор, придя в себя, сумел схватить Ульриха и повалить его на землю. Он оказался сверху, нанося удары по лицу и корпусу. Ульрих пытался защититься, но Гор был сильнее, и его удары становились все более болезненными.

Казалось, обыкновенная пощечина вызвала такую ярость, что Гор решил идти до конца. Он перевернул Ульриха на спину и начал душить его, надавливая своими уродливыми руками на горло. Воздух перестал поступать в легкие, в глазах начали мелькать черные точки. Ульрих задыхался, чувствуя, как сознание покидает его. Он отчаянно пытался вырваться, но хватка Гора становилась все крепче.

В отчаянии, понимая, что у него нет другого выхода, Ульрих судорожно шарил по карманам. Его пальцы нащупали гладкий, холодный металл. Перьевая ручка. Инстинктивно он выхватил ее и, собрав последние силы, вонзил ее в левое бедро Гора, чуть выше тазовой кости.

Гор взвыл от боли и неожиданности, ослабив хватку. Ульрих, воспользовавшись этим, вытолкнул его и отполз в сторону, тяжело дыша. Гор, шатаясь, попытался встать, но его нога подкосилась, и он рухнул на землю, корчась от боли.

Изо рта Гора потекла кровь, смешиваясь на мостовой с грязью и остатками уличной еды. Он попытался подняться, опершись на руку, но все было тщетно. Боль пронзала его тело, словно раскаленные иглы. "Я убью тебя, Вагнер! Клянусь, я убью тебя и твоего отца!" – прохрипел он, сквозь зубы процеживая каждое слово.

Эти слова стали последней каплей. Ульрих, словно очнувшись от кошмара, посмотрел на свою руку, сжимающую перьевую ручку, залитую кровью. Он видел перед собой не Гора, а воплощение всей той ненависти и злобы, что копилась в нем годами. Слова Гора о его отце эхом отдавались в голове. В глазах Ульриха вспыхнул безумный огонь.

Ульрих сжал перьевую ручку, словно в последний раз, и в его взоре отражалось тотальное безумие. Отец. Это слово, полное глубины и тепла, теперь было исковеркано ненавистью, которую вылепил из себя Гор. Ульрих закрыл глаза, и его сознание погрузилось в воспоминания, как в зыбкое море.

Он вновь оказался в детстве, когда смех искрился в воздухе, а теплые лучи солнца касались их с родителем. Они сидели за столом, папа учил его рисовать, объясняя каждую линию и изгиб. "Смотри, сын, как чернила живут на бумаге. Они могут рассказать историю, если ты вложишь в них душу". Ульрих чувствовал, как много значило эти слова. Они были не просто фразами, а частью их связи. Душевная рана, которая никогда не заживет, теперь вновь разжигала в нем ярость.

С медицинской точностью, которой он научился, читая старые учебники по анатомии в пыльной библиотеке, Ульрих вонзил ручку в солнечное сплетение Гора. Тот заорал от нестерпимой боли, его тело дернулось в конвульсиях. Ульрих не останавливался, продолжая наносить удар за ударом. Ручка вошла в тело Гора снова и снова, целясь в жизненно важные органы. Следующий удар пришелся в район почек, вызывая у Гора новый приступ боли.

Он пытался сопротивляться, но опьянение и пронзающая боль лишили его сил. Каждое движение отзывалось мучительным криком. Удары Ульриха становились все более точными и смертоносными.

"Встретимся в аду, ублюдок!" – выплюнул Ульрих каждое слово с яростью, накопленной за годы унижений и обид. Три стремительных, точных удара вонзились в лопаточно-подъязычную мышцу Гора.

Хрип, бульканье и плеск крови стали последними звуками, исходящими из горла аристократа. Глаза Гора остекленели, взгляд застыл в бессмысленном ужасе. Он начал захлебываться в собственной крови, багровые пузыри поднимались из уголка рта, окрашивая тротуар в злобный оттенок. Ульрих отшатнулся, словно очнувшись. Ручка, все еще зажатая в руке, была покрыта липкой, теплой кровью. Перед ним лежало бездыханное тело человека, которого он ненавидел. Страх, смешанный с облегчением, окатил его ледяной волной. Он убил. Он совершил непоправимое.

Ульрих не хотел убивать. Мысль об этом, словно ледяной ком, застряла в горле, перекрывая дыхание. Он отступил назад, спотыкаясь о лежащее тело, и упал на колени. Тошнота подкатила к горлу, и его вырвало прямо на грязный асфальт.

Но, несмотря на ужас и отвращение, где-то глубоко внутри, в темных, потаенных уголках сознания, пробивалось странное, извращенное удовлетворение. Словно плотину прорвало, и наружу вырвались все те обиды, унижения и злость, что копились годами. И теперь, после этого взрыва, наступила какая-то болезненная, но опьяняющая тишина.

Он машинально вытер окровавленную ручку о одежду Гора, словно пытаясь стереть с нее не только кровь, но и сам факт произошедшего. Взгляд упал на разлившиеся чернила, расплывшиеся темным пятном на мостовой. Мгновение он колебался, желая подобрать их,

словно это могло что-то изменить. Но затем махнул рукой и встал на ноги. Бежать. Нужно бежать как можно дальше.

Но бежал он не домой. Инстинкт вел его в другое место, в место, где он мог спрятаться и зализать раны. Хофгартен. Тихий, заброшенный парк, где можно было затеряться в лабиринте аллей и забыться в тени вековых деревьев. Туда он и направился, петляя по темным переулкам, словно тень, ускользающая от света. Каждый звук, каждый шорох казался ему шагами преследователей.

Добравшись до Хофгартена, он рухнул на первую попавшуюся скамейку, задыхаясь от бега и переполнявших его эмоций. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев и далеким гулом города. Ульрих закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями.

Ульрих заплакал. Слезы катились по щекам, смешиваясь с кровью и грязью. Он не понимал, от чего именно он плачет. То ли от ужаса содеянного, от осознания, что перешел черту, за которой нет возврата. То ли от извращенного удовлетворения, от чувства мести, которое, подобно ядовитому цветку, распустилось в его душе. Его трясло всем телом, то ли от холода, то ли от нервного потрясения.

Крики рвались из его груди, глухие, задушенные, как будто кто-то зажал ему рот ладонью. Он пытался остановить их, но они вырывались наружу, словно демоны, выпущенные из клетки. Он кричал от боли, от страха, от отчаяния, от осознания, что его жизнь сломана, навсегда запятнана кровью. Но среди этих криков примешивались и другие, странные, чуждые ему самому. Победные крики. Крики облегчения. Крики освобождения.

Он сидел на скамейке, вжавшись в нее всем телом, словно пытаясь раствориться в ней, исчезнуть. Мир вокруг него расплывался, терял очертания, словно кошмарный сон. В голове пульсировала лишь одна мысль: "Что я наделал?". Но ответа не было. Только крики, слезы и опьяняющее чувство свободы.

Постепенно, крики стихли, а слезы высохли. Ульрих поднял голову и посмотрел вокруг. Парк по-прежнему был тих и безлюден. Казалось, ничто не выдавало произошедшей трагедии.

Ночной воздух, пропитанный запахом сырой земли и опавшей листвы, начал пробираться до костей. И вдруг, словно острый осколок в сознании, мелькнула мысль: дом. Нужно домой. Умыться, смыть с себя эту кровь и грязь, эту липкую смесь ужаса и восторга. Забыться. Хотя бы на несколько часов. Сделать вид, что хочется спать, зарыться под одеяло и притвориться, что все это – дурной сон.

Истерика отступала, уступая место холодному расчету. Он взглянул на часы. Первый час ночи. Пять километров. Пять километров до дома, до тепла и относительной безопасности. Пять километров, которые отделяли его от полного краха. Он встал, шатаясь, с проклятой скамейки. Ноги ватные, непослушные, словно чужие. Но он заставил их двигаться. Сначала медленно, нерешительно, затем все быстрее и быстрее.

Обратный путь казался бесконечным. Каждый переулок, каждый темный угол таил в себе опасность. Ему казалось, что за ним следят. Но никого не было. Только он, ночной Мюнхен и давящее чувство вины.

Ключ провернулся в замке с предательским щелчком, который в тишине ночи показался Ульриху громом. Он замер, прислушиваясь, но в ответ лишь тишина. "Повезло," – пронеслось в голове, слабое эхо облегчения в море страха. Тихо прикрыв дверь, он проскользнул в полумрак прихожей, стараясь не скрипнуть ни одной половицей. Необходимо было избавиться от следов содеянного. Первым делом – в душ.

Горячая вода обжигала кожу, смывая кровь, грязь и остатки чернил. Но она не могла смыть тот ужас, что въелся в самую глубь души. Ульрих тер кожу мочалкой до красноты, до боли, пока она не начала гореть, словно от огня. Казалось, он пытается выдрать из себя всю эту грязь, всю эту тьму.

Выйдя из душа, дрожа от холода и нервного истощения, Ульрих натянул на себя первую попавшуюся одежду – старую футболку и спортивные штаны. Он подошел к зеркалу, и ему в лицо посмотрел незнакомец. Бледное, осунувшееся лицо, запавшие глаза, покрасневшие от слез и бессонницы. Зрачки расширены,

взгляд бегающий, сумасшедший. "Монстр," – прошептал он одними губами. Он отвернулся от своего отражения, не в силах больше смотреть на это зрелище. Оставалось лишь одно – залечь на дно, и надеяться, что кошмар скоро закончится.

Пронизывающий вой сирен ворвался в сонный полумрак комнаты, словно удар хлыста. Ульрих вздрогнул, словно от толчка током. Сотни, тысячи ледяных игл пронзили его мозг, рождая в голове хаотичные картины – допросы, тюремные камеры, лица полные ненависти. Мелькнула мысль бежать, спрятаться в лесу, затеряться в толпе, но ноги будто приросли к полу. Паралич страха сковал его, обратив в безвольную марионетку.

Отчаянно пытаюсь унять дрожь, Ульрих бросился к окну. Сердце бешено колотилось, с силой выталкивая кровь в виски. И тут он увидел. В свете проблесковых маячков, пляшущих на стенах домов, отчетливо просматривалась картина кошмара – окруженная лентой территория,

с
десяток полицейских машин и... тело, накрытое белой простыней. И все это – всего в пятистах метрах от его дома.

Ледяная волна ужаса парализовала каждое движение. В голове запульсировала мысль – это конец. Он убил его слишком близко. Слишком глупо. Теперь он точно попадет. Ульрих отшатнулся от окна, словно от раскаленного железа. Инстинкт самосохранения одержал верх над паникой. Он бросился наверх, в свою комнату, туда, где еще пару часов назад он чувствовал себя в безопасности.

Забившись под одеяло, он свернулся калачиком, пытаюсь согреться. Но холод шел изнутри, проникая в самые кости. Глаза лихорадочно бегали по комнате, выискивая спасение, выход, хоть какую-то надежду. Но комната была пуста, лишь знакомые стены безмолвно наблюдали за его агонией. Единственное, что ему оставалось – это ждать. Ждать, пока за ним придут. Ждать, пока кошмар станет явью. И надеяться, что где-то в глубине души все еще есть место для прощения.

И тут стук... один... два... Он с дрожью выполз из-под одеяла, словно раненый зверь, и поплелся к двери. Каждый шаг отдавался гулким эхом в его голове, каждый вдох – как последнее прощание с жизнью. Страх подтвердился: на пороге стояли двое мужчин в форме. Полиция Мюнхена.

Ульрих замер, словно парализованный. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Он не мог поверить своим ушам. Они знают. Они пришли за ним. Но как? Он же все уничтожил, избавился от улик, продумал каждую деталь. Или ему так только казалось?

Сержант Хайне, с усталым взглядом и морщинами, прорезавшими лицо, повторил свой вопрос: "Ваших родителей нет дома, молодой человек? Нам нужно с ними поговорить." Голос его звучал мягко, участливо, словно он хотел помочь, а не арестовать. Ульрих собрался с духом. Сейчас главное – не выдать себя.

"Нет, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Отец в ночную смену работает. Вернется только утром." Хайне кивнул, словно ожидая этого ответа. "Вы знали Гора Луиса де Аларма?" – спросил он, и в этот раз в его голосе появилась сталь.

Ульрих почувствовал, как по спине пробегает холодный пот. "Да," – выдавил он, чувствуя, как предательская дрожь охватывает все тело. Заза, второй сержант, с угрюмым взглядом и татуировками на предплечьях, прищурился, наблюдая за ним. "Вы как-то слишком взволнованы, молодой человек. Что-то случилось?" Ульрих попытался выдавить из себя нервный смешок. "Гор... он постоянно издевался надо мной. Гнобил. Я просто... потрясен, что с ним такое случилось."

Хайне помрачнел. "Какой-то маньяк убил его. Представляете?"

Ульрих на мгновение потерял контроль над собой. Он почувствовал, как по щекам текут слезы, а горло сдавливает спазм. "Это... это ужасно," – прошептал он, стараясь, чтобы в голосе звучала искренняя скорбь. Заза бросил на Хайне короткий взгляд. "Ладно, Хайне, хватит с него. Пойдем." Он легонько толкнул Хайне в плечо и направился к выходу. Хайне бросил на Ульриха сочувствующий взгляд. "Доброй ночи." И они ушли.

Ульрих прислонился к двери, чувствуя, как ноги подкашиваются. Он закрыл глаза, пытаясь унять дрожь. Они почти его поймали. Он был так близко к провалу.

Ульрих, шатаясь, добрался до кухни, словно пьяный. На дрожащих руках поставил чайник на плиту, чувствуя, как желудок сводит от голода и нервного напряжения. Нужно было хоть немного прийти в себя, прежде чем думать о дальнейшем. Кипяток, ложка сахара, и вот, чашка обжигающего чая уже греет озябшие пальцы. Он сделал глоток, другой, чувствуя, как сладость растекается по телу, немного успокаивая.

И тут... резкий, пронзительный крик, словно разорвавший тишину в клочья: **"ЗАЧЕМ ТЫ УБИЛ МЕНЯ?!"** Ульрих вскрикнул, чашка выпала из рук, расплескав горячий чай по полу. Он резко обернулся, сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. В кухне никого не было. Лишь тени, пляшущие от уличного света, тревожно колыхались по стенам.

Ледяной пот прошиб Ульриха. Он задыхался, хватая воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Неужели это началось? Неизбежное безумие, о котором он так боялся? Или это лишь игра воспаленного воображения, порожденного страхом и чувством вины? Он судорожно огляделся по сторонам, пытаясь ухватиться за реальность, за знакомые очертания кухонной утвари, за запах растворимого кофе, за тепло батареи возле ноги. Но что-то неуловимо изменилось. Воздух стал плотным, давящим, словно его наполнили свинцом.

Он обернулся... и кухни действительно больше не было. Лишь беспросветный мрак окружал его, зловещая, тягучая пустота, пожирающая свет. Черный туман, клубясь, колыхался вокруг, словно живое существо, готовящееся к нападению. И в центре этого кошмара, словно призрак из самых темных глубин его души, стоял Гор. Изуродованный, окровавленный, с зияющими ранами от его любимой ручки. Злобная гримаса искажала его некогда надменное лицо.

Не успел Ульрих даже выдохнуть, как Гор бросился на него с диким воплем. Страх, первобытный, парализующий, сковал его тело. Но сквозь пелену ужаса прорвалось знакомое чувство – ярость. Ярость, накопившаяся за годы унижений, презрения, травли. И в этот момент Ульрих перестал быть жертвой. Он выхватил из кармана окровавленную ручку и, не раздумывая, вонзил ее в Гору снова и снова, пока тот не обмяк, рухнув на землю.

Истерический смех Гора эхом разнесся в черном тумане, растворяясь в мраке. Ульрих отшатнулся, словно очнувшись от кошмарного сна. Он моргнул, и мрак рассеялся. Кухня. Разлитый чай. Дрожащие руки. Он задыхался, как будто ему только что выбили весь воздух из легких.

Ульрих, словно сомнамбула, добрал до гостиной. Щелчок пульта, и экран ожил, демонстрируя унылые новости о пробках и политических дрызгах. Но его взгляд скользил мимо, не цепляясь за смысл. Мысли, как стая голодных волков, рвали его сознание на части.

Он положил на кофейный столик лист плотной бумаги, достал из ящика стола пузырек с грязно-желтыми чернилами – своим излюбленным цветом – и вторую, железную бордовую ручку. Медленно, с почти ритуальной осторожностью, он наполнил перо чернилами. Запах густых, маслянистых чернил заполнил комнату, смешиваясь с запахом разлитого чая и страха.

Он начал писать. Слова лились из него, как из раны – болезненные, противоречивые, полные горечи и отчаяния.

**"Прощай, мой враг, мой ненавистный друг,
В объятьях мрака ты нашел приют.
Презренье твое – мой вечный недуг,**

**Теперь истлеешь, как осенний лист гниют.
Твой взгляд холодный, словно зимний лед,
Застыл навеки, как статуя в ночи.
И больше никогда насмешка не убьет,
Твои слова – лишь пепел и молчи.
В моей душе ты выжег черный след,
Но я иду вперед, сквозь боль и страх.
Моей вины не будет больше, нет,
Твой образ вечно в памяти размах.
Прощай, Гор Луис, прощай навеки."**

Ульрих отложил ручку, изумленно глядя на написанное. Тринадцать строк. Прощание с погибшим Гором. Или скорее, прощание с той частью себя, что была связана с ним. С частью, что была запятнана ненавистью и насилием. С частью, что теперь исчезла навсегда. Слезы текли по его щекам, смывая остатки страха и облегчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.